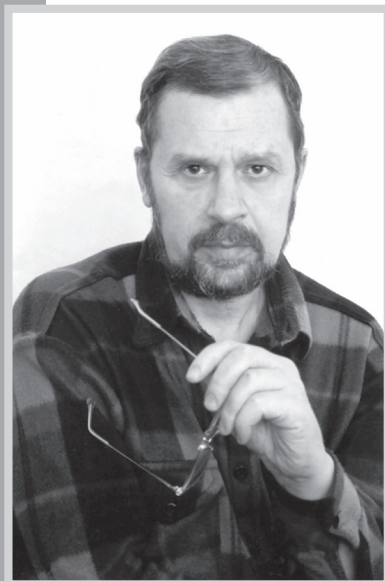

ПОЭЗИЯ

*Сергей
Малышев*

41

СТИХИ — как ветер в поле...

В нынешнем году казанскому поэту Сергею Малышеву исполнилось бы 75 лет. Мы дружили, и я помню, как он, с улыбкой показывая мне один из первых экземпляров только что изданной итоговой своей книги «Обратный отсчёт», выпущенной к 50-летию автора, сказал: «Ну вот... Теперь и умирать можно...»

Истекал последний год XX века. Вскоре Сергей стал лауреатом Державинской литературной премии. Успел перевести многих татарских поэтов. И в 2007-м ушёл из жизни: у него было большое сердце, и операция лишь отсрочила уход.

Стихи его говорят сами за себя. Со своей стороны, могу сказать, что такое гармоничное сочетание ясности и сложности, открытости и сдержанности, простоты и изысканности встречается в поэзии не так часто.

Борис Вайнер

Воспоминание о литобъединении

42

Когда в стихах я стал невеждой,
искал секреты ремесла,
к музею Горького с надеждой
влачил беспрокие крыла.

В миру надежда без утайки:
«А где на блажь твою диплом?»
Но расцветала наша стайка
среди реликвий под стеклом.

С тех пор цитаты из Тушновой,
Шаляпин с удалью в лице
горчат и возвращают снова
дым разговоров на крыльце.

Где все – таланты, но пока что
толпой не поняты, зато
над почвою приподнят каждый
ревнивой похвалой ЛитО.

Но слёзы капали по-детски,
клоками в урну падал ямб,
когда кипучий Мрак Зверецкий*
из пушек бил по воробьям.

Луца закрученные строки,
разя беспомощность в упор,
он представлял собой жестокий,
вполне естественный отбор.

Нигде не учат на поэтов,
им каждый – ментор и судья.
Трезвеют многие, отдавая
разнообразного битья.

Ужасно материться втуне,
глотать обиды скипидар,
но душу, хрупкую летунью,
обязан ставить под удар.

И не сломаться, и в окошко –
«Прощайте, други!» – не сигать,
а дальше выбранной дорожкой
годами трудными шагать.

Её дурман, он, слава богу,
ни с чем на свете не сравним.
Всё кажется, ещё немного –
и станет ремесло твоим.

* Марк Зарецкий (1937–2003) – казанский поэт, руководитель ЛитО при музее М. Горького.

Над Казанью луна

На громады домов и чугуна мостовых
полагаться опасно:
над Казанью луна, как державинский стих,
тяжела и прекрасна.

И Казань под луной ненадёжно легка,
хороша и не вечна.
И мгновенья легко переходят в века,
и века быстротечны.

Августейшая ночь в миллионы веков,
где под грохот трамвая
только тень тишины колыхнётся легко,
вдалеке замирая.

Где в квартире друзей раздаётся звонок:
– Вы меня извините.
Над Казанью луна. Я совсем одинок.
Что-нибудь измените.

* * *

Круг замыкается. Детство всё ближе.
Добрая книжка растрогать до слёз
может, как прежде, и снова не вижу
смысла о будущем думать всерьёз.

Но я люблю этот жалкий остаток, –
нет, не себя, а вот этот, вокруг,
серенький мир, где вкусней шоколадок
запах асфальта, шагов перестук.

Просто люблю, и не знаю ответа
ни на один свой ребячий вопрос.
Не развернулась обёртка с конфеты.
Хочется к маме. Пора мне. Дорос.

* * *

Поэзия вроде науки:
сторонним уже не вполне
доступны сверхточные звуки
творений. Но кажется мне,
самим стихотворцам приелась
мудрёной игры кабала...
Какая весёлая смелость
у старых поэтов была!
Как славно звучит и любовно,
подтекста в себе не тая:
«Да здравствует Марья Петровна,
и ножка, и ручка ея!»
Приятного лепета рощи,
ручья с говорливой водой,
и слова, и жизни попроще
как хочется, боже ты мой!
Но в душу с надеждой не торкай –
а вдруг запоёт соловьём?
Восторг не исторгнуть касторкой
эпохи, в которой живём,
С которой мы единокровны,
а всё же она – не моя...
«Да здравствует Марья Петровна,
и ножка, и ручка ея!»

Вийон

Стихи – как ветер в поле –
не значат ничего.
Преодоление боли,
не более того.

За всех прожить однажды,
изведать что почём.
И, наконец, от жажды
погибнуть над ручьём.

Город солнца

*И есть у них всего одна книга,
под названием «Мудрость», где
удивительно жато и доступно
изложены все науки.*

Кампанелла

46

Вот и построили счастья громаду,
в радугу тащит зубцом шестерня.
Господи, радуюсь, только не надо...
Господи милый, помилуй меня.

Пусть механизм гармоничнее сферы,
только позволь улизнуть старику.
Я не хотел бы молиться без веры
и по указке любить не могу.

Смех обязателен в радостной жизни,
сходит за шутку мой шаг строевой.
А ведь раскусят и выдерут лишний
в стройных куртинах сорняк луговой.

Начал коситься соседский мальчонка,
он донесёт, он уже молодец.
Вырвут репей, да не детской ручонкой.
Господи, слаб я, и страшен конец.

Всё же решился я, всеми довольный,
граждан избавить от скучной возни...
Как-нибудь сделай, чтоб было не больно.
Грешную душу прости и возьми.

* * *

Шагая тропинкой на дачный посёлок,
отметишь, вдыхая приятный дымок,
что красками день не особенно звонок,
зато просветлён и покоем глубок.

Подсохшей былинкой в грязи придорожной
вдруг сердце кольнёт – и замедлится шаг.
Название травки сказать невозможно
и всё же знакомо до звука в ушах.

Подумай – припомнишь. Но ты без причины
волнуешься, быстро шепча наугад:
осот... вероника... овсяница... чина...
ну что там ещё?... череда... гравилат...

Лежишь на обочине. Мёртвые губы
в улыбку заветное слово свело.
А жизнь продолжается. Теплятся трубы,
сады облетают и в мире светло.

* * *

Лежать, не подымать смежённых век.
Пусты обыденность, пророчества
и новшества, –
всё суета сует. А человек
другому человеку – одиночество.

Я никому не должен ничего,
привязанностей сеть не получается.
Ещё пустей на свете от того,
что век мой всё заметнее кончается.

Его нельзя отбыть без маеты,
по мере сил играю в обязательства.
Я верный друг – от страха пустоты,
но мало удивит меня предательство.

Ещё слова... Когда не баловство,
поэзия – беседа и сотворчество
двух одиноких – в поисках чего?
Устал я от любого одиночества.

Но приоткрой-ка веки в полумгле:
да разве плохо воздуха мерцание?
Я просто постарел и на земле
не действия хочу, а созерцания.

И не уйти в себя, как в небеса.
Ещё волнуют умные, смешливые
глаза детей – и женщин голоса
не лгущие, но дружелюбно лживые.

Поиздержался, но к чему беречь
остаток сил на прихоти безволия?
Вставай, язвы, себе противоречь.
Ещё не вечер полного безмолвия.

* * *

И над асфальтом, и в пыльном леске придорожном,
не задевая за цепкие нити вьюнков,
миг настоящего тотчас становится прошлым,
перетекает песчинкой в глубины веков.

Чёрная бабочка крылья расправит беззвучно,
серый кузнечик начнёт заунывный куплет, -
а через миг они в прошлом живут неразлучно
под небесами, которых сейчас уже нет.

Таёт шоссе и теряет прилизанность линий,
в хлябь погружается, тонет в текучести дней...
Бабочку ловит рукой любознательный Плиний,
имя даёт скрипуну педантичный Линней.

Вот императору пунш подают от простуды,
вот мы в столовке студенческой взяли компот...
Не разглядеть очередность событий отсюда,
ёлка из детства не дальше вчерашних хлопот.

К веку прикрепим, текущую дату надпишем,
чтоб возвращать вместе с бабочкой издали
душное лето, цветы золотистые пижмы,
жёсткую зелень лучистого березняка.

Снова кузнечик занудную песню затянет,
неповторимый среди позабытой родни...
Время придёт – и меня в настоящем не станет,
Знаешь, меня хоть однажды обратно верни.

Дымкой во взгляде, обмолвкой, игрой интонаций,
жестом случайным позволь появиться на свет
в мире текучих пропорций, объёмов, дистанций
под небесами, которых пока ещё нет.

Лестно подумать, что мне возвращенье возможно,
трудно принять, что уходят действительно все:
грустный кузнечик, друзья, и лесок придорожный,
бабочка, жизнь и автобус на сонном шоссе.

